

**ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА Н. РУБАНОВОЙ: ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ
И КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ**

Свешникова Ю.С.,

научный руководитель д-р филол. наук, профессор Говорухина Ю. А.

*Институт филологии и языковой коммуникации
Сибирский Федеральный Университет*

«Ремесло литкритика в нынешнем безвременье можно отнести к
дефицитному...»
(Н. Рубанова)

Наталья Федоровна не только и не столько литературный критик, сколько прозаик, поэт, член Союза российских писателей. Постоянно публикуется в журналах «Знамя», «Новый мир», «Дети Ра», «Футурум-арт», «Вопросы литературы», «Волга», «Урал», «Октябрь»; в газетах «НГ-Ех-libris», «Литературная Россия». Автор книг «Москва по понедельникам» (2000 г.), «Коллекция нефункциональных мужчин» (2005 г.), «Люди сверху, люди снизу» (2008 г.) Это во многом предопределяет особый ракурс видения текста, с нескольких позиций: текст как объект рецепции (в том числе для критика) и текст как реализация авторской интенции.

В статье «Побочная партия» Рубанова формулирует вопросы метакритического характера: каково от критики писателям? кто такие критики в современном литературном процессе? чем они занимаются? Рубанова делает неутешительный вывод: критик уже не медиум, не посредник между читателем и текстом; часто он и вовсе отвращает читателя от литературы, а главную роль в настоящий момент играет издатель. В ситуации кризиса Рубановой важно сформулировать истинные критерии качества работы литературного критика, смоделировать образ истинного критика. Образцом становится Сергей Беляков («Побочная партия»). Рубанова говорит о том, что его позиция всегда аргументирована, при анализе текста он объективен и приводит доказательства, «собственно, только эти критерии и дают право на оценку». Итак, для «адекватного критика», «идеального критика» на первом месте должен стоять текст, а он сам (критик) должен не вольно интерпретировать его, но с рядом аргументов, подтверждающих данную точку зрения. Наталья Федоровна блестяще следует этим принципам в своих статьях.

Так, анализируя творчество Романа Сенчина (в статье «Роман Сенчин. День без числа») Рубанова анализирует его тексты, не скрывая при этом всех «шероховатостей». Критик действует как товарищ автора, его помощник: важно не раскритиковать текст, а указать писателю на ошибки, дать совет («...имеет смысл думать не столь о т.н. “жизненных” сюжетах, сколь о придании им безупречной литературной формы»), при этом, не забыв упомянуть о достойных сторонах текста: самобытности, способности «защитить» читателя, спровоцировать его «на бунт». Для Рубановой в тексте важна оригинальность, необычность, отсутствие штампов, владение автором «традиционным» русским литературным языком (статья «Язык как главный герой»). Наталья Рубанова не забывает сказать и о приемах, использованных автором в тексте, и о сюжете, созданном им же, и даже о диалогах. Говоря о ее статьях, даже не возникает мысли сказать «красмольное»: «критики нередко просто проглядывают тексты» (Н. Рубанова «Побочная партия»).

Итак, во главе угла стоит текст. Именно он важен для Натальи Федоровны, а автор, стоящий за этим текстом, второстепенен, он – адресат, которому критик делает определенное «сообщение». Но иногда происходит так, что фигуру автора просто нельзя оставить без внимания, как, например, фигуру Елены Дорогавцевой. Статья о Дорогавцевой («... человек состоит из жидкостей разной плотности», эссе о стихах Елены Дорогавцевой) и ее поэзии скорее не анализ данных текстов, а попытка передать ощущение, возникшее при чтении («Я читала, не отрываясь, что для меня почти невозможно...»). Наталья Федоровна делает не просто анализ стихов, но дает описание поэтессы, диалогов с ней, пересказывает собственные эмоции, возникшие при чтении. Критик подчеркивает и то, что автор женщина, хотя ее лирика выходит за пределы гендерной принадлежности: стихи естественны, «надтелесны».

Вообще, так называемый «женский вопрос» заинтересовал Рубанову в связи с именем Хольма ван Зайчика. Что из себя представляет женщина в современном мире? А в мире творчества? И как «выжить» женщине в мире «мужском» (каковым он по преимуществу и является)? Да и вообще, возможно ли такое разделение на два полюса: «мужской» и «женский»? И, несмотря на тщательно проведенный анализ текста («Дело Судьи Ди» Хольма ван Зайчика), Наталья Федоровна все же уходит от него (и от анализа, и от текста), а приходит к проблемам социальным, философским, проблемам психологии (отсылка к Юнгу и Фурье). Для Рубановой важно разобраться, почему происходит разделение на два мира: мужской и женский. Даже литература не избежала этого деления, и разве сейчас не относятся предвзято к женской прозе (ЖП, как называют ее в просторечии)? Но ведь, несмотря на все различия (жизни, мыслей, социальных ролей, даже состава крови), оба пола вынуждены как-то уживаться друг с другом. Об этом и рассуждает критик: взаимоотношения мужчин и женщин в современном мире. В итоге остается только один вывод: «Земля вертится вокруг своей Любви. <...> Жизнь без этой загадочной дамы суха, как тетрадный лист, вечера полупусты, ночи — скучны, а утра — хмурые» (Н. Рубанова «Женский портрет в мужском интерьере»).

Тексты Рубановой рассчитаны на подготовленного читателя, ведь нужно знать и теорию Чернышевского «об эстетических отношениях искусства к действительности», и читать Бурдье, и разбираться в эстетике модернизма («Побочная партия»); но все же вряд ли возникнет трудность при знакомстве с ними. Критик действует как проводник: подробно анализирует текст, упорядочивает, при этом не забывая поддерживать интерес читателя остроумной шуткой и наводящими вопросами. Читатель включается в диалог с критиком, а через него и в диалог с автором (ведь именно критик, обосновывая в статье свою точку зрения, знакомит читателя с авторским текстом).